

ЗА ИСТИНОЙ — В ПОСЛЕДнюю ИНСТАНЦИЮ

«Я не видел этого спектакля, но уверен, что он не готов!» — фраза, что называется, из серии «нарочно не придумаешь». Однако цитирую я ее по документу весьма серьезному — протоколу собрания коммунистов Туркменского академического театра оперы и балета имени Махтумкули. Подобные суждения здесь не редкость. И, пожалуй, как нельзя более точно передают атмосферу, сложившуюся в этом коллективе.

Незадолго до моего приезда в Ашхабад в оперном театре прошло очередное бурное собрание, слышнута еще одна волна страхов, и установилось относительное затишье, не означавшее ни мира, ни перестройки, — антракт между боями. Эта пауза, наполненная тревожным, напряженным ожиданием, возникла не случайно. Сторонники исполняющего обязанности главного режиссера, ныне уже бывшего (а здесь теперь все чьи-то сторонники или противники), обратились с письмом в Москву, в котором просили разобраться в крайне тяжелом положении, сложившемся в театре. Министерство культуры СССР сформировало авторитетную комиссию. На эту комиссию как на своеобразный «десант справедливости» (и не вошли известные деятели советского театра А. Серов, Г. Геловани, В. Чайковский, Н. Садовская) и возглавлялся теперь все надежды. Появление корреспондента — я приехал по письму бывшего директора театра Б. Сеидова, не желавшего мириться с увольнением с этого поста, — само собой отозвучилось на второй план. Участь одного человека, тем более отставного, меркла в сравнении с судьбой целого коллектива, изнуренного затяжной междоусобицей. Однако на самом деле различными у нас с комиссией были только поводы для приезда, а причины — одни и те же.

Едва ли ашхабадская «история» прибавит что-либо новое к нашим познаниям о клокоцущих буднях сегодняшнего театра. Да и не тем, что происходит за кулисами, интересен нам театр — мы ведь смотрим на сцену. Хотя по закону сообщающихся сосудов муть из одного обязательно переходит в другой. Но чтобы не заводилась она в искусстве, на посту стоят десятки людей, обремененных полномочиями. И вот о том, как выполняют они свои обязанности, и хочется поразмышлять.

Если даже согласиться с мнением большинства, что конфликт в театре обозначился лишь два года назад, когда здание было закрыто на длительный ремонт, то все равно наличный просчет руководства театра и его министерского начальства. Коллектив на долгий срок остался без стационара, без сцены, а значит, и без полноценной работы. Трудно объяснить, почему не была продумана заранее программа работы на время реконструкции здания и должный ремонт оказался как снег на голову. Утверждают, что во всем Ашхабаде нет ни одной сцены, где театр мог бы показывать спектакли в полном объеме. Допускаю. Но в таком случае можно было бы договориться и о гастролях за пределами республики. Наверное, какой-то выход можно было найти. Если бы дело заключалось только в ремонте...

На малозаметные поначалу признаки надвигающейся драмы не обратили внимания из-за радостных волнений по случаю присвоения театру звания академического — было это годом раньше называемого срока. А сегодня уже само существование театра фактически поставлено под угрозу. Единственный цех, который держится пока в рамках допустимого, — солисты оперы. Балетная же труппа, имеющая по штатному расписанию 59 ставок, в последнее время насчитывает человек тридцать, причем наполовину состоит из артистов пенсионного возраста. Десяток музыкантов из полусотни недосчитывает оркестр, вдобавок связанный по рукам и ногам «капризами» двенадцати соиместителей. На треть недоукомплектован хор. Очевидно, что в подобной «усеченной» составе театр и помышлять не мог о междуреспубликанских гастрольях. Как ясно и то, что при-

чины такого плачевного положения нужно искать не во вчерашнем дне. Впрочем, тут уж не до причин, необходимо было срочно обеспечить коллективу мало-мальски приемлемые условия для работы. Однако в это тяжелое для театра время у Министерства культуры республики нашлись другие заботы: оно затеяло смену директора.

12 июля 1936 года директором был утвержден режиссер-постановщик Б. Сеидов, однако в течение года уже занимавший эту должность. Но вот любопытная деталь: примерно за два месяца до этого он был назначен начальником управления театров и музыкальных учреждений Министерства культуры. Однако, как видим, его пребывание на этом посту не затянулось, как, впрочем, не затянулось и вторичное пребывание на посту директора. 25 февраля прошлого года коллегия Министерства культуры вновь снимает Б. Сеидова с этой должности «за неудовлетворительную работу по осуществлению руководства творческой и производственной деятельностью, несоблюдение нормального морально-психологического климата в коллективе».

Тщетны попытки обнаружить логику в крутых поворотах судьбы дважды директора. Почему человек, раз уже не справившийся с ответственной работой руководителя театра, вновь попал в это кресло?

В отделе культуры ЦК Компартии Туркмении, куда я обратился с этим вопросом, наемнули на злоупотреблении, будто бы допущенные Сеидовым. Наемнули не потому что были эти злоупотребления столь ужасны, что вступ и сказать нельзя, а потому, что... не были доказаны. Но слухи, слухи...

Видимо, почувствовал некоторую неловкость за свою опрометчивую поспешность в перемещениях Сеидова, инстанция и предложила коллективу театра провести выборы нового директора. В назначенный день министерство назвало трех кандидатов. Двое из них тут же взяли самоотвод, и в результате на авансцене остался единственный претендент — исполняющий обязанности главного балетмейстера народный артист республики А. Пурсиянов. Его и выбрали.

Люди театра тонко чувствуют фальшь. Не ускользнула она и на этот раз. В воздухе повис вопрос: зачем было устраивать выборы, имея по сути одного реального кандидата? Но у министерства, видно, была своя задача — как говорится, поймать сразу двух зайцев. Во-первых, «блеснуть» демократизацией, а во-вторых, застраховаться от всех возможных упреков. Что бы ни случилось теперь в театре, можно сослаться на неопытность директора да еще и напомнить: дескать, сами выбрали.

А надеяться, что в театре ничего не случится, не приходилось. На том же заседании коллегии, где был освобожден от должности директор Б. Сеидов, шла речь и о целесообразности дальнейшего пребывания на своих постах двух художественных руководителей театра — и. о. главного дирижера О. Бердиева и главного режиссера Г. Барышева. Этот вопрос так и остался открытым — к нему решили вернуться в конце театрального сезона.

Назначение А. Пурсиянова проблем не решило, жизнь в коллективе по-прежнему протекала бурно. Ходки из театра буквально осаждали министерство, а в отделе культуры ЦК КП Туркмении уже детальнейшим образом были знакомы с обстановкой в оперном.

Какую же позицию заняла в этой ситуации партийная организация театра?

— Парторганизация не пользуется авторитетом в коллективе, — говорит концертмейстер А. Панджанидзе — Свидетельством может служить хотя бы то, что в состав профкома не избран ни один коммунист.

Можно добавить, что все четыре художественных руководителя театра, включая директора А. Пурсиянова, беспартийные, а средний возраст коммунистов близок к пенсионному.

Все это частные вроде бы факты, но не являются ли они отражением более глубоких и серьезных процессов, чем обыкновенная театральная склока? А в Министерстве культуры

и в отделе культуры ЦК КП Туркмении только говорят — уже в который раз! — о необходимости срочно принимать решительные меры.

В сентябре подал в отставку директор А. Пурсиянов. В министерстве его уговорили поработать еще. К этому времени в воздухе уже носились слухи о предполагаемом приезде московской комиссии.

Как бы там ни было, но заседание коллегии министерства, на котором «грозились» освободить от работы в театре О. Бердиева и Г. Барышева, переносилось несколько раз. Подобную уклончивую позицию министерства объяснить нетрудно. Гораздо проще, если узел развязать другие: и дело наконец решится ответственности вроде никакой. Прием отработанный. Благо всегда есть в запасе последняя инстанция — московская. На нее-то и надеются, а иногда попросту сваливают то, что должны сделать сами. Кто возьмется подсчитать, сколько людей из столицы находится в данный момент в командировках по разбору жалоб? А сколько таких командировок можно было бы избежать при большей расторопности и решительности на местах?

Комиссия, прибывшая в главный театр Туркменистана, работала в Ашхабаде почти две недели.

В справках об итогах всевозможных разбирательств проверяющие обычно указывают и на причины возникновения той или иной отрицательной тенденции, бывает даже, называют должностных лиц, при попустительстве которых легкое недомогание переросло в опасную болезнь. Но они крайне редко несут ответственность. Много у нас всякого рода инстанций, которые, не желая усложнять свою жизнь, научились ловко пропускать дела мимо себя, как нерадивые железнодорожники пропускают составы: мол, ежель что — обнуляют на следующей станции. Чем кончатся такие истории, и не только в железнодорожной практике, известно. Но пропускная способность таких инстанций, несмотря на объявленный поход против бюрократизма, продолжает увеличиваться, соответственно возрастает и обратный поток — спешат во все концы страны московские проверяющие.

Более года назад «Советская культура» уже писала об отношении к вопросам культуры в туркменской столице, в том числе и к проблемам оперного театра. Их, к сожалению, не убавилось, хотя в официальном ответе ЦК КП Туркмении — он был опубликован в газете — выражалась твердая уверенность в том, что неурядицы, как организационные, так и творческие, вполне устранимы. Прошел год. Однако большая часть обещаний осталась невыполненной: театр недополучил, вопрос о строительстве общежития не решен, укомплектовать труппу и оркестр не удалось. Театральный сезон в назначенный срок открыт не был...

Тут и без всякой комиссии ясно, что требуется не просто внимание к коллективу, а программа возрождения академического театра, оказавшегося «у последней черты». Разве надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: спектакли, «работаящие» по тридцать и более лет — а таких в Театре имени Махтумкули немало, — безнадежно устарели? Что при острой нехватке артистов хора в оперном театре республиканского музыкального училища едва ли следует настоятельно выпускать никому не нужных хороших дирижеров? И так ли уж необходимы Ашхабаду два симфонических оркестра? Возможно, достаточно одного, но укомплектованного, творчески полноценного?

Выводы комиссии, как и следовало ожидать, оказались неутешительными: театр существует номинально, Г. Барышев и О. Бердиев не могут более пребывать на своих постах. В конце прошлого года коллегия Министерства культуры республики освободила их от занимаемых должностей.

Московская комиссия поставила диагноз. Но болезнь ведь придется лечить самим.

Л. МАХКАМОВ.
(Наш спец. корр.)

АШХАБАД